

Сергей ЛЁВИН

г. Анапа

Десятилетнему мальчишке из интеллигентной семьи в конце восьмидесятых для счастья требовалось немного: пара закадычных друзей, таких же хорошистов, редкая книга из читального зала, которую библиотекари по большому благу разрешали взять на дом, и, главное, не угодить в лапы к шпане, которой в нашем промышленном городке водилось с избытком.

Хулиганье вольготно обитало в каждом уголке Котовска, классифицируясь на «пионерских», «кирпичанских», «шанхайских» и прочих — именуемых в честь улицы или микрорайона, где размещался «прайд». Чтобы чувствовать себя более-менее в безопасности, ребёнку моего возраста желательно было «ходить» с одной из группировок. Когда останавливали на улице, первым делом спрашивали: «С кем ходишь?» Я, понятное дело, ни с кем — не то воспитание, не та среда. Поэтому старался не попадаться — благо, жил в благополучном доме, заселённом преимущественно пенсионерами или молодыми парами с дошколятами.

Но однажды родители огорошили — переезд! После смерти бабушки решили сменить две квартиры — её и нашу — на одну побольше, в «сталинке» на улице Котовского (с фантазиями у топонимической комиссии, видимо, было туго). И как-то быстро дело провернулось, месяц на всё про всё, и мы уже на новом месте, в паре кварталов от прежнего, и в другом мире.

В трёхэтажном доме три подъезда, по шесть просторных, с высокими трёхметровыми потолками трёхкомнатных квартир в каждом. Это была коммуналка, но то ли после начала перестройки, то ли немного раньше жильцы поденьжистее стали выкупать комнаты у соседей, высвобождая себе пространство побольше да поудобнее.

За стеной у нас обитало семейство евреев — лет через семь они дружно эмигрировали в Штаты. Глава ячейки общества — он носил гордое имя Яков, но все соседи панибратски звали его Яшкой, — работал тренером по настольному теннису в местной спортшколе, крепко выпивал по праздникам, и не только. А ещё, часто и подолгу возясь с велосипедом в сараюшке,

рассказ

расположенной во дворе дома, откликнулся, когда тётя Надя этажом ниже звала домой кота – его тёзку. Самым смешным было, когда звучало громкое «Я-а-а-аш!» – и одновременно головы поворачивали оба: седеющий вихрастый еврей и пушистый чёрный кот, пробегающий мимо по одному ему ведомым делам.

А вот напротив... Напротив нас жила семья с ребёнком – моим ровесником. Он был небольшого роста, коренаст, смугл, с чёрными вороньими глазами и такого же цвета непослушными волосами, торчащими в разные стороны так, словно выражали протест расчёскам как классу. Звали его Лёшка-Цыган – с ударением почему-то на первом слоге. На родителей – вечно заматанную тётю Зину в очках с толстыми линзами и дядю Юру – Дядюру – сублистного лысеющего автослесаря – отпрыск не походил ни капли.

Как же я его боялся! Взгляд исподлобья, вечно насупленный, недовольный вид – даже по лестнице он поднимался и спускался нервно, прыжками через две или три ступеньки, будто скрываясь от кого-то или, напротив, преследуя. Страшнее всего казалось столкнуться нос к носу. Иногда это происходило – в одном подъезде неизбежно! – и никто не здоровался, не кивал «привет». Я проносился мимо вихрем, да и Цыган не снижал спринтерской скорости. «Ш-ш-ш!» – только ветер по лестничной площадке.

Усугубляли страх перед чужаком рассказы покойной прабабушки, которая, когда я был совсем маленьким, пугала меня цыганами: говорила, те ловят на улицах непослушных детей и варят из них мыло. А взрослых объегают, дурманя разум гипнозом. В общем, завидев в городе цыганок в цветастых нарядах, я инстинктивно старался перейти на другую сторону улицы или вовсе сделать крюк, обойдя квартал.

Однажды мама доверительно сообщила мне, что Лёшка не родной ребёнок – его взяли из детдома. Он, и правда, цыганёнок, настоящие родители его жили в посёлке с экзотическим названием Калиныч между Котовском и Тамбовом. В семье произошла трагедия: кто-то погиб или покончил с собой, или зарезали по пьянке – чёрт его знает, что там у этих цыган

происходит: кровь горячая, темперамент не хуже, чем у итальянцев. В общем, совсем маленького Лёшу определили в детдом, откуда его забрали тётя Зина с Дядюрой. Завести своих детей у них не получалось. Лишь повзрослев, я понял, что иногда одного желания мало и существует множество проблем, о которых пацаньятам знать не надобно. Говорят, Лёшка сразу подбежал к тёте Зине, обнял её колени и прошептал: «Мама». Персонал ахнул – в заведении считалось, что ребёнок немой...

Не дружественное, но и не военное сосуществование между двумя десятилетками, обитающими дверь в дверь, продолжалось долго. Я не пытался делать шаг навстречу, Цыгану этого тоже не требовалось.

Но однажды произошёл случай, который всё изменил. Я плёлся домой из школы сквозь дворы с неприменными сараями, таща набитый учебниками рыжий кожаный дипломат, с которым, кажется, ходил в ту же школу четвертью века ранее мой отец. И тут раздался свист. Я знал, что ничего хорошего он не предвещает, но всё-таки обернулся.

Ко мне приближалась компашка из пяти пацанов: двое примерно моего возраста, остальные постарше, класса из шестого или седьмого. Один курил папиросу – видимо, лидер.

– Эй, шкет, ты чьих будешь? – слегка растягивая слова, спросил один из взрослых.

– Я... Я...

– С кем ходишь? – уже раздражённо.

– С «пионерскими», – зачем-то соврал я. Очень неубедительно. Сам бы не поверил.

– Жилу знаешь?

Я, естественно, не мог знать Жилу. Или Чичу, или Дрюшлага – клички у шпаны были сплошь дурацкие, часто образованные из искажённых фамилий или качеств «носителя»: Чича – Чичканов, Жила – умеющий жульничать – жилить, Дрюшлаг вообще от имени Андрей.

Надо было что-то отвечать, и я решился:

– Знаю.

– Он нам два червонца торчит. Гони ты за него, раз знаешь.

– У меня нет.

– А если найдём?

Я с ужасом вспомнил, что в кармане лежит

мятая десятка и пара рублей мелочью — энзэ на воскресную поездку в Тамбов, где я мечтал прикупить в коллекцию пару новых плакатов. Стены моей комнаты тогда были завешаны цветастыми постерами со Шварценеггером, Сталлоне, Ван Даммом и Брюсом Ли. На центральном рынке областного центра их продавали глухонемые парни, демонстрирующие цену пальцами и потешно мычащие.

Деньги, в общем, немалые. И целевые!

— Харэ телиться, шмонай его! — скомандовал старший, которому надоело моё перетоптывание на месте.

Малые тут же подскочили: один крепко схватил меня за руку с портфелем и начал заламывать её за спину, а второй полез в карман. Не знаю, что на меня нашло, но я взбунтовался, резко вывернулся и угодил дипломатом — весьма увесистым! — по башке одному из гопстопщиков.

— Дерётся, сучонок! — весело удивился предводитель, выплюнул бычок и внезапно очень сильно и больно саданул меня кулаком между глаз.

В голове зашумело, выступили слёзы. Я больше не чувствовал в себе ни грамма смелости — только страх и горечь, что вляпался в передрагу.

Компания тем временем проворно и профессионально обшаривала мои карманы, попутно награждая тумаками да затрещинами — больше профилактическими, не в полную мощь, но чудовищно обидными.

Я всюю ревел, не заботясь о репутации, и почти ничего не слышал. Подковырки хулиганов звучали белым шумом сквозь всхлипы и шмыганья носом. Но тут до меня донеслось:

— Эй, вы чего впятером на одного?!

Оторвав взгляд от земли, я увидел... Цыгана. Он выглядел решительно: прислонил ранец к тополиному стволу и стоял в паре метров от нас, сжав кулаки.

— Ты кто такой, а? С кем ходишь?! — отвернулся от меня вожак.

— С «южанскими».

— А чего здесь потерял? Чё, ваще, такой борзый?!

— Впятером на одного только петухи наезжают.

— Пацаны, вали его! — крикнул кто-то, я не разобрал.

Лёшка поднял кулаки на уровне плеч, встал в боксёрскую стойку. «Он же в секцию ходит!» — вспомнил я и увидел, как он наносит противникам точные и весомые удары.

Однако пятеро непрофессионалов — всё же не один, даже тренированный спортсмен. Из рассечённой брови потекла кровь, кто-то подло саданул Цыгана ногой под колено, и тот сгорбился, получая мощные тычки в корпус и голову.

Сбоку раздалась ругань — матерная, грязная. Из-за сарая вышла пара старшеклассников. Кажется, они жили в нашем районе и Лёшку знали. Точно!

— наших бьют! — крикнул один из них. И закипела драка!

Поняв, что до меня здесь никому нет дела и я вряд ли понадобится в ближайшем будущем, схватил дипломат и помчался домой, не оглядываясь...

Тем же вечером я впервые позвонил в дверь напротив. Открыл Цыган: с заплывшим веком и распухшей губой, но бодрый и со смешинкой в чёрных глазах.

— Спасибо, — тихо сказал я.

— Да чего там! Заходи, у меня отец вчера видик у дядьки взял на пару дней, фильм есть новый — «Кобра», боевик. Давай вместе смотреть — одному скучно.

Вскоре мы стали с Лёшкой друзьями не разлей вода. И хотя он продолжал ходить с «южанскими», а я не вылезал из библиотеки, нам это не мешало.

Лишь через семь лет, когда я поступил в вуз и начал каждый день мотаться из Котовска в Тамбов и обратно, а Цыган, окончив местный технарь, устроился на завод электриком, наша дружба растворилась в суете и заботах взрослой жизни.

Но я до сих пор помню тот страх перед смуглым цыганёнком из квартиры напротив и чувство невероятного облегчения и радости, когда этот почти совсем не знакомый человек ринулся мне на выручку, невзирая на то, что хулиганов было пятеро, а он — один...

рассказ

Городской квартал, по периметру которого рассредоточились похожие друг на дружку, словно семечки в газетном кульке, угрюмые дома из тёмно-красного кирпича, он обычно пробегал за полторы минуты. Одна трёхэтажка, другая, третья, и вот уже крайний дом, узкая проезжая часть, а за ней – точная копия его квартала: пять зданий с длинной стороны, три с короткой. Считая угловые, конечно...

Между домами теснились престарелые деревянные сараи, в которых жильцы традиционно хранили рухлядь: отбегавшие своё велики, вышедшую из моды одежду, обрезки досок – выбросить жалко, а ежедневно царапать глаза в квартире – тошно.

Самое интересное здесь, по мнению Лёши, скрывалось в подвалах, в один из которых его регулярно, раз в неделю, посылала мама. Там

на дощатых полках, между которыми висели дряблые паучьи нити, в окружении укреплённых металлическими листами земляных стен, покрытых капельками конденсата, стояли банки с соленьями, компотом и вареньем.

В дрожащем огоньке свечи, которую мальчик зажигал, спустившись по громоздкой, явно сколоченной в расчёте на взрослого человека лестнице с далеко отстоящими перекладинами, содержимое банок казалось ему сокровищами сказочной пещеры, полной таинственных, невероятно притягательных, завораживающих взгляд чудес. Плавающие в сиропе вишнёвые ягоды были будто неприлично крупные драгоценные камни, густое абрикосовое варенье напоминало услышанное однажды по телеку и страшно понравившееся словосочетание «золотая руда», даже пупырчатые огурцы и некрупные, с теннисный мяч, помидоры казались скользкими пришельцами из далёкого космоса, однажды пленёнными жильцами нашей малогостеприимной планеты и оставшимися здесь навсегда.

Однако сейчас Лёша спешил не в сарай, а мимо, краем глаза отмечая, что из подъездов начинают неспешно выходить люди с мусорными вёдрами и вразвалочку стекаться в межсарайные проезды, где вскоре должна была появиться она – мусорная машина.

Ей-то навстречу и мчался, обгоняя ветер, Лёша по прозвищу Гуманоид. Обидную кличку навесил умник из квартиры напротив – заносчивый студент-филолог с длинными по-девушачьи волосами, стянутыми в конский хвост, и рыжеватой жидкой бородкой. Мнил себя выдающимся поэтом, по вечерам громко повизгивал за стенкой стихи, но никто его вирши пока не превозносил и тем более не публиковал. Брякнул как-то на лестничной площадке глупую шутку про соседа-дурачка-инопланетянина – и словно припечатал. Вскоре большеголового, с глазами навыкат Лёшу называли Гуманоидом и подрастающие в их доме дети, и родной старший брат, и даже – редко, в особом запале, – мама.

Прозвище мальчика бесило: услышав его, он мог закатить настоящую – со слезами-соплями и дрожью во всём теле – истерику, пугая неадекватной реакцией обидчиков. Правда, антидот действовал недолго, они замолкали

лишь временно, и кличка вновь всплывала через день-другой.

Однако сейчас Лёша совсем не думал ни об обидном прозвище, ни о грубовато скорябанной лезвием двойке по русскому в дневнике, о которой пока не подозревала мама. Не слышал он и как за спиной шелестело: «Опять Гуманоид к мусорке помчался! Вот дурачок-то, дебил, прости господи!»

Ума у него и правда было негусто: Бог пожадничал, в магазине не продавали, а мудрого Гудвина, чтобы подарил нобелевские мозги, в пределах видимости не наблюдалось.

Вдыхая морозный воздух, он бежал в дальний межсарайный проезд соседнего квартала, где столпились люди — большинство с объёмными, доверху наполненными ведрами, другие — с набитыми пакетами. В основном бабульки и дети — взрослые в 16.45 ещё томились на работе, считая минуты до конца смены.

На улице стремительно темнело: февраль, мороз, ранние сумерки. Пространство вокруг заполнял равномерный человеческий гул: обсуждали новую серию «Богатые тоже плачут», медленно, но верно ползущие вверх цены, внезапную смерть пенсионера из тридцать третьего дома, что присел вечером в кресло почитать газету, накрылся ей, придремал и не проснулся.

Но вот засияли фары, зашумел мотор — навстречу ожидающим выехала огромная, лязгающая по нервам шумом вихляющегося на мехруке ржавого ковша мусорная машина, за рулём которой царём горы возвышался над собравшимся муравейником одетый в фуфайку и шапку-«пидорку» водитель.

Он остановил мощный транспорт, лихо, по-кавалерийски выпрыгнул из кабины на снег и, подчёркивая своё неоспоримое превосходство, неторопливо обошёл машину. Потом задвигал тугими рычагами, опуская ковш, к которому мгновенно устремились первые «адепты» — дети, которым не терпелось побыстрее исполнить малоприятную миссию. Особенно мерзко получалось, когда лежащая на дне ведра газета пропитывалась кисло воняющей жидкостью, вытекшей, к примеру, из заплесневевших огурцов, и бумага прилипала к пластику или металлу. Тогда её можно было отодрать только пальцами — бр-р!

А потом срочно окунуть ладонь в снег, чтобы избавиться от приставучего запаха.

Лёша протиснулся сквозь ребячий хоровод, снизил темп, вразвалочку подошёл к водителю и, насколько мог, низким голосом спросил:

— Дядь, а дядь! А можно я сегодня с вами проедусь?

Мужик улыбнулся. Привык к тому, что почти каждый вечер в этом дворе к нему подходит забавный пацанёнок с одной просьбой — прокатиться, проезжает три «станции» и прощается до следующего раза.

— Дуй давай, — милостиво разрешил верховный мусорщик.

Лёша, растолкав бабулек с ведрами, ругающих его на все лады, в три прыжка одолел расстояние до кабины, вскарабкался, едва не поскользнувшись на высокой обледеневшей ступеньке, и поудобнее устроился на сиденье.

На его лице сияла, словно полуденное солнце, самая широкая в мире улыбка. Она не покидала Гуманоида и когда водитель, захлопнув дверцу, трогался с места, затем, обогнув сарайный ряд — деревянный квартал внутри кирпичного, — въезжал в следующий, а потом двигался дальше, во двор, где жил сам Лёша.

Словно горделиво восседающий на троне король, взирал он на своих подданных, поклоняющихся мусорке и щедро ссыпающих в её протянутую великанскую руку-ковш многочисленные дары. И обыкновенное, без примесей, счастье переполняло его маленькое сердце, для которого гул движка, скрежет металла и грохот падающего во вместительный кузов мусора казались райской музыкой. За её ласкающими нотами не было слышно, как ржут мальчишки, показывая на него пальцем, как злословят бабки, которым ликующий вид Гуманоида становился костью в горле, и как грустно вздыхает стоящая с мусорным ведром поодаль от толпы мама...

* * *

Прошло двадцать лет...

За это время изменилось всё: бабульки поумирали, пацанята выросли, женились, обзавелись потомством и развелись, деревянные сараи сгорели во время большого летнего по-

жара, и их место заняли другие, современные, построенные из надёжных шлакоблоков или кирпича. Да и мусорная машина в назначенное время не колесила по проездам, в которых не первый год стояли пластиковые контейнеры, опустошаемые по мере заполнения.

Гуманоид окончил городское профтехучилище, поработал на одном местном заводе, другом, но не прижился: найти общий язык с нагловатыми и вороватыми старожилками ему не удалось. Они постоянно подкалывали его, не признавали за своего, а за любую оплошность, совершать которые он был горазд, материли. То ли в шутку, то ли всерьёз, он так и не разобрался.

Задержался лишь на месте ночного сторожа в детском садике «Тополёк». Общение тут сводилось к минимуму: вахту принял — вахту сдал, два раза в месяц ходил в бухгалтерию получить аванс и подсчёт. Из собеседников — кормящаяся в столовой миролюбивая кошка Маня да одиноко сидящие на полках, улыбающиеся пустоте и сумраку куклы.

Здесь-то Лёшу и затянуло во вселенную компьютерных игр, в которые он мог резаться до одурения, до полного истощения мозга. На работе сидел ночь напролёт с ноутбуком, нехотя отвлекаясь на обязательный каждые два часа обход крошечной детсадовской территории, а дома предпочитал обычный комп с большим

жидкокристаллическим экраном, по которому бегали его брутальные альтер-эго и залихватски рубили врагов ятаганом, без промаха палили из всех видов огнестрельного оружия, взбирались по отвесным скалам и ныряли в океанские глубины. Там, в царстве улучшающейся с каждым годом, становящейся всё реалистичнее графики, Гуманоид чувствовал себя намного уютнее, чем в реальном, тусклом и плоском пространстве разрастающегося с каждым годом, ползущего вверх и подпирающими низкое небо высотками города.

Мать сокрушалась: «Когда ж ты повзрослешь, за ум возьмёшься, девушку себе заведёшь, семью?» А он раздражённо отмахивался: «Мам, ну хватит! Достала уже!» — и убегал в свою комнату, хлопая дверью, запирался на собственноручно врезанный шпингалет и нажимал на «пуск».

И всё же, даже проходя один уровень за другим и победоносно завершая очередной сложный квест, он не чувствовал и десятой доли того неподдельного счастья, которое переполняло Гуманоида — мусорного короля, объезжающего владения на исполинской чудо-машине или спускающегося в подвал за сказочными сокровищами, что таились в пузатых трёхлитровых банках...

□

Сергей ЛЁВИН

родился в 1978 г. в городе Котовске Тамбовской области.

Окончил Тамбовский госуниверситет.

Поэт, прозаик, публицист.

Пишет для взрослых и детей.

Автор книг «Упал со стула», «Снайпер», «PRосто», «Приключения черноморского дельфинёнка», «Космос» и др.

Лауреат ряда литературных конкурсов, удостоен молодежной премии в области культуры губернатора Кубани.

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

